

Эволюция образа России в немецком путевом очерке: культуролого-имагологическая перспектива

М. Д. Бахарева

*МГИМО МИД России,
Москва, Российская Федерация*

Введение. Предмет исследования – образы России и русских в современных немецких путевых очерках. Имагологическое исследование образа России, транслируемого немецкими авторами, является актуальным в политическом, социальном и культурном контексте времени. Цель исследования – провести анализ репрезентации образа России в немецкой публицистике о путешествиях. для оценки влияния стереотипов образа *Другого* с позиций философской антропологии.

Содержание. Особое внимание уделено анализу публицистических текстов периода 2014–2022 гг. Источниковая база не ограничена указанными хронологическими рамками и включает путевые очерки по России, созданные немецкоязычными авторами на протяжении истории двусторонних отношений. Проведенный анализ показал, что частыми характеристиками образа русских в немецких путевых заметках являются: сходство с европейским образом жизни даже в отдаленных городах, авантюризм жизни в России в противопоставлении со спокойствием жизни в Германии, отчужденность и хмурость русских людей в социуме и их теплое отношение к близким, огромная социальная роль женщин; констатируются и непрерывное изменение, и развитие страны.

Выводы. Большую роль в создании образа России играет эмоциональное восприятие немецкими авторами страны и её населения, а также влияния действующих на протяжении веков стереотипов о русских.

Ключевые слова: имагология, образ России, путевой очерк, немецкая публицистика, авто- и гетерообраз, стереотип.

Для цитирования: Бахарева М. Д. Эволюция образа России в немецком путевом очерке: культуролого-имагологическая перспектива // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 123–139. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_123. EDN: PTGWCV

The Evolution of the Image of Russia in German Travel Essays: a Cultural-imagological Perspective

Mariya D. Bakhareva

*MGIMO University,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The subject of the study is the images of Russia and Russians in modern German travel essays. The study of the image of Russia broadcast by German authors is relevant in the political, social and cultural context of the time. The purpose of the imagological study is to analyze the representation of the image of Russia in German travel journalism. to assess the influence of stereotypes of the image of Another from the standpoint of philosophical anthropology.

Contents. The author pays special attention to the analysis of journalistic texts of the period 2014–2022. The source base is not limited to the specified chronological framework and includes travel essays on Russia created by German-speaking authors throughout the history of bilateral relations. Russian image analysis has shown that the common characteristics of the image of Russians in German travel notes are: similarity to the European way of life even in remote cities, adventurousness of life in Russia in contrast with the tranquility of life in Germany, alienation and frown of Russian people in society and their warm attitude to loved ones, the huge social role of women; and the continuous change and the development of the country.

Conclusions. An important role in creating the image of Russia is played by the authors' emotional perception of the country and its population, as well as the influence of stereotypes about Russians that have been in force for centuries.

Key words: imagology, image of Russia, travel essay, German journalism, auto- and hetero-image, stereotype.

For citation: Bakhareva, M. D. (2024) Evolutsiya obraza Rossii v nemetskom putevom ocherke: kul'turologo-imagologicheskaya perspektiva [The Evolution of the Image of Russia in German Travel Essays: a Cultural-imagological Perspective]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 123–139. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_123. EDN: PTGWCV

Введение

В последние годы в рамках философии культуры и культурологии на первый план все чаще выходят имагологические исследования. Коллективные образы и взгляды, циркулирующие в публичной сфере, взаимозависимы. Сегодня представляется особенно актуальным исследовать проблему взгляда на *Другого* в контексте динамики синтетической образности, которую условно можно было бы назвать *культуролого-имагологической*. В центре внимания имагологии – установки, стереотипы и предубеждения о присвоенном образе *Другого*, а также отношения, которые управляют дискурсивной репрезентацией образа культуры в инокультурной среде. Авто-образы и гетеро-образы определяются не как эмпирические факты, а как дискурсивные объекты, которые конструируются, передаются и закрепляются в различных литературных и культурных жанрах, но также подвергаются сомнению и изменяются. Новый интерес к таким изображениям связан с событиями последних лет, которые показали продолжающееся влияние национальных и культурных стереотипов.

Образ России и русского народа в немецком художественном и публицистическом дискурсе формировался и развивался на протяжении нескольких столетий, отражая исторические обстоятельства и влияние политических, экономических и социокультурных отношений между двумя странами. Исследования образа России в немецкоязычной литературе до конца XX в. научно разработаны в серии «Западно-восточные отражения» Льва Копелева, а также в исследованиях О. Свиргун, Е. В. Соколовой, Д. А. Чугунова, Г. А. Лошаковой, Л. Е. Смирновой и Л. Ю. Слининной.

Объектом исследования в данной статье являются немецкие путевые очерки по России, при этом основное внимание сосредоточено на текстах, созданных и опубликованных после 2014 г. до 2022 г. Предмет – образ России и образы русских в немецких путевых очерках указанного периода. Цель заключается в том, чтобы изучить представление образа России в современной немецкой публицистике о путешествиях и оценить, как стереотипы определяют призму взгляда на *Другого* с позиций философской антропологии. Источниковой базой исследования стали путевые очерки

по России, созданные немецкоязычными авторами на протяжении истории двусторонних отношений.

Имагологическая методология требует задействования историко-документальной вторичной литературы, что позволяет оценить значение, функцию и влияние немецких публицистических образов России в политическом, социальном и культурном контексте времени. Понятийный аппарат имагологии и методология имагологических исследований были разработаны такими учеными, как Дж. Леерсен и М. Беллер, Х. Дизеринк, М. Фишер, Й. Штюбен, М. Свидерска, О. Ю. Поляков. В данном исследовании имагология тестируется в качестве герменевтической процедуры, с помощью которой может быть интерпретирована структурная семантика культурной или национально-этнической чужеродности в художественном мире литературного либо публицистического текста. Для интерпретации имагологически ориентированного исследования необходимо конкретизировать следующие пункты, включающие в том числе анализ внелитературных аспектов: репрезентация и тематизация «чужого» в анализируемом тексте и других текстах автора; рецепция в стране издания и за рубежом; подверженность образа «чужого» трансформациям, в том числе с изменением социально-политических и исторических условий; внелитературный замысел автора. Если образы *Другого* исследуются в нескольких текстах, то можно сделать осторожные обобщающие выводы о повторяющихся чертах в изображении «чужих» персонажей, исторических событий и «чужой» реальности путем сравнения результатов исследования.

Содержание исследования

В ранних свидетельствах немецких и других европейских путешественников, купцов и ученых Московское княжество ассоциируется с пустынными землями и варварством, а его жители являются «совершенно чужими, языческими, загадочными существами» [13]. Внутренние регионы страны долгое время оставались практически неизвестными для немцев и других европейцев. Лишь в XVI в., с установлением постоянных контактов между немецкими государствами и Московским государством, отдельные расплывчатые и в основном недружелюбные суждения о России стали складываться в более четкую карти-

ну. В Россию начинают приезжать больше немецких государственных и военных чиновников, торговцев и представителей интеллигенции, записывавших свои впечатления.

Как отмечают исследователи, «к изображениям врага следует относить клеветнические ярлыки, которые не всегда звучат в форме оскорбительных слов – многовековых стереотипов о русских: “грязный”, “варварский”, “еретический”, “азиатский”. Эти стереотипы сопровождали русских как врагов со времен войн Ивана III с Ливонской конфедерацией и Тевтонским орденом в конце XV века до двух мировых войн в XX веке» [17, с. 69]. О. Ф. Кудрявцев в своей статье «Россия в зеркале “прекрасной истории” Кристиана Бомховера» обратил внимание на то, что в писаниях ливонского автора начала XVI в. присутствуют «как стереотипические черты восприятия Западом восточного соседа, так и некоторые новые наблюдения, обусловленные геополитическими особенностями положения его страны и спецификой исторической ситуации. Русские, их вера, нравы, способ ведения войны, политический строй изображались только черными красками, в самом мрачном, пугающем виде». Исследователь объясняет предвзятость изображения военным конфликтом и указывает, что «произведение Бомховера имело хождение на нижнем Рейне и в Вестфалии, а также в ганзейских городах. Его использовали и на него опирались прежде всего проповедники, убеждавшие население этих земель предоставить помощь Ливонии в ее противоборстве с Русским государством» [2, с. 53–63].

В начале XVIII в. немецкий образ России приобрел новые черты, на которые повлияли смена расстановки сил в Европе, текущие политические интересы и актуальные для эпохи идеологические, социальные и культурные течения. Идеи Просвещения и раннего романтизма позволили прогрессивно мыслящим немцам в поисках новых идеалов заново открыть для себя страну на востоке – интерес к России заметно растет по сравнению с предыдущими веками. Как отмечает Анна Шнирх, в XVIII в. немецкий образ России основывался не столько на реальных событиях, фактах, сколько на идеях и представлениях, которые в основном передавались публицистами [20]. Знакомство немцев с русской историей, литературой и культурой заметно усилилось в эпоху правления Екатерины II [1].

Кампания Наполеона 1812 г., пожар в Москве, уничтожение «Великой армии» и продвижение русских войск на запад, в Пруссию, вызвали поток публицистических материалов и поэтических произведений о России, в которых воспевалось героическое самопожертвование Москвы, русского народа и солдат. Во второй половине XIX в. можно выделить две противоположные тенденции в развитии образа России в Германии [7, s. 37–38]. Одна тенденция заключалась в постоянно растущем интересе к русской литературе, музыке и живописи, в большинстве случаев сопровождающимся искренней симпатией. Другая тенденция – это появление эмоциональных карикатурных изображений, создаваемых историками, публицистами и авторами тривиальной беллетристики.

К последнему десятилетию XIX в. в Германии появилось больше книг и журнальных статей на русскую тематику, чем за два столетия до этого – как переводов с русского языка, так и текстов немецких авторов. «Растущее количество разнообразной и противоречивой информации также способствовало распространению старомодных предрассудков и новых карикатур. От пангерманистов исходили высокомерно-презрительные и ненавистные высказывания о России» [14, s. 73]. В то же время некоторые авторы, например Райнер Мария Рильке, создавали идеализированные образы: духовный потенциал и неизрасходованная творческая и интеллектуальная сила русских людей заставляли немецких авторов смотреть на Россию с надеждой и восхищением. Как указывают исследователи, для Рильке путешествия в Россию – это «глубокий, возможно, уникальный религиозный опыт и вместе с ним (есть много свидетельств этого) опыт искупления, прорыв к самому себе (как к личности и как к поэту), а также опыт сообщества, опыт обретения дома» [15, s. 16].

После 1917 г. симпатия, надежда и романтические мечты определяют восприятие России в прогрессивных кругах немецкой интеллигенции. В Веймарской республике новый образ Советского государства распространялся, прежде всего, благодаря рабочему и социалистическому движению – большинство его представителей с восторгом воспринимали стремительное продвижение России по новому социалистическому пути [3]. Позднее национал-социалистская пропаганда умело использовала опасения потенциальной «большевистской опасности»,

возникшие после Октябрьской революции и получившие широкое распространение в последующие годы. Негативные суждения о России и русских, широко распространенные во всех слоях населения как исторически, так и под влиянием пропаганды, были включены в образ России лидерами НСДАП, дополнены и усилены специфическим нацистским содержанием и массово пропагандировались как инструмент для достижения внутренне- и внешнеполитических целей.

В эпоху холодной войны антикоммунизм стал основой политического климата среди западных держав. Обвинения в предполагаемой близости к Советскому Союзу поднимались во внутривосточных дебатах в ФРГ. Однако в то же время были открыты многочисленные институты научных исследований и политического образования, изучающие социализм и доносившие до общественности дифференцированную, хорошо обоснованную картину Советского Союза. Публицисты пытались показать широкой аудитории повседневную жизнь советских людей, скрытую за фасадом государства, с помощью путевых очерков. «Три книги сформировали у немцев образ Советского Союза в разные периоды XX в.: «Дух и лицо большевизма» [19] (*Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland*, 1926) австрийско-американского писателя Рене Фюлёп-Миллера, «Советский человек» (*Der Sovietmensch*, 1958) Клауса Менерта и «Повседневная жизнь в Москве» (*Alltag im Moskau*, 1984) Лоиса Фишер-Руге. Все три публикации объединяет то, что они почти не рассказывают об исторических событиях или политических делах, но пытаются дать представление о советской культуре» [19]. Успех упомянутых книг был обусловлен не только их содержанием, но и датой публикации, каждая из которых знаменовала собой поворотный момент: Фюлёп-Миллер дал первоначальную оценку после первых десяти лет Советского государства [6], Менерт задокументировал конец сталинизма [16], а Фишер-Руге дал представление о стартовых социальных условиях перестройки [4]. Достижение Менерта состояло в том, что он придал жителям Советского Союза живое лицо, ведь до его книги дискурс в немецких СМИ имел два полюса: русский был либо «непредсказуемым, жестоким и опасным алкоголиком, либо вестником новой культуры» [12, s. 438].

В немецкой литературе последнего десятилетия XX в. новая Россия уже не ассоциируется с бывшим Советским Союзом, постепенно разрушается стереотип тоталитаризма, исчезает страх западноевропейского общества перед коммунистическим мировым порядком. Однако в 1990-х гг. волна эмиграции российских граждан, в том числе в Германию, привела к возникновению образа России как страны выживания и безнадежности, противопоставленной западному миру материального процветания, законности, порядка и культуры.

Следует отметить, что на протяжении веков причины, по которым немецкие авторы отправлялись в путешествия по России и создавали путевые очерки, были различны и во многом зависели от циркулирующего в общественном дискурсе образа России. Ими выдвигались различные цели: от поиска подтверждений образа врага до обнаружения и скрепления духовных идеалов. С начала 2010-х гг. путевые очерки по России вновь набирают популярность, однако авторы – прямо или косвенно – ставят своей целью не подтверждение, а развенчание стереотипов о России. Кроме того, значительно расширяется география путешествий: помимо Москвы и Санкт-Петербурга, публицисты направляются в путешествия по Калининграду, городам Золотого кольца, сибирским и южным регионам России. Точкой притяжения становится Байкал. Выбираются разнообразные способы передвижения (от велосипеда до плацкарта), а также места ночлега – часто путешественники выбирают каучсерфинг и описывают свой опыт общения с принимающими хозяевами домов.

Авторы основывают свои умозаключения и выводы на личном эмоциональном опыте восприятия России, а также в зависимости от того круга общения, с которым они взаимодействуют во время поездки или после переезда и жизни в стране. Наиболее частыми характеристиками образа русских, которые встречаются в книгах о путешествиях, являются: общество в движении и изменении, авантюренность жизни в России в противопоставлении со спокойствием и размеренностью жизни в Германии; гостеприимство для недолгих гостей и близких людей на фоне отчужденности и хмурости в общественной жизни, так называемая «теплота за грубым фасадом»; большая роль женщин в традиционном на первый взгляд

обществе, которое внешне не желает эту роль признавать; явные европейские черты образа жизни даже в отдаленных городах азиатской части России. Говоря о проблемах, авторы упоминают коррупцию, неэффективность работы чиновников и излишнюю бюрократию, жестокость населения в некоторых регионах страны; критикуется работа «пропагандистских» СМИ. Продолжается традиция описаний необъятных природных просторов и красоты ландшафта России. Тема алкоголя поднимается многими авторами, однако не все подтверждают данный стереотип описанием соответствующих персонажей в тексте. Создается имажотип Москвы как шумного, пестрого города со впечатляющим метрополитеном. Кроме того, авторы обращают внимание на уязвленную гордость России и (само-) образ «обиженной» страны, который также часто фигурирует в текстах на общественно-политические темы.

Йенс Зигерт в книге «111 причин любить Россию» (111 Gründe, Russland zu lieben: Eine Liebeserklärung an das schönste Land der Welt), часто проводит сравнения между авто- и гетерообразом России и Германии. По мнению Зигерта, жизнь в России – «поистине великой стране» – может показаться «добропорядочному немцу» «немного более гротескной, абсурдной, эксцентричной, а иногда и более мрачной, чем жизнь в Центральной Европе» [21]. Тем не менее, это отличие не является загадочным, а доступно описанию и пониманию. По мнению Зигерта, путешественники из Германии ожидают увидеть в России нечто экзотическое и потому чужое, но сталкиваются с «близким в экзотическом (которое, наоборот, может быть и экзотическим в близком)». Встречаясь с «русской Европой», с чем-то «просто более незнакомым, чем в итальянском или французском чужом» [21, с. 28], немцы сталкиваются с феноменом неоправданных ожиданий. В то же время россияне, возвращающиеся из поездок по Западной Европе, высказывают мнение о том, что там «все так скучно, так упорядоченно, так предсказуемо. Люди там, как потом часто говорят, давно разучились жить настоящей, опасной жизнью. И затем гордо и немного самоуничижительно звучит: такое есть еще только в России» [21, с. 105]. Жизнь в России, по мнению Зигерта, – это увлекательная авантюра, ежедневное приключение. Это наблюдение закрепляется и другими авторами книг о пу-

тешествиях, (например, Хольгер Фриче даже выносит слово «приключения» в заглавие своей книги).

Несомненно, одним из самых впечатляющих является образ Москвы. Несмотря на то что Йенс Зигерт прожил в Москве много лет, он утверждает, что столицу невозможно любить: «Для этого город слишком большой, слишком шумный, слишком навязчивый, слишком агрессивный» [21, с. 60]. К образу Москвы добавляется характеристика захватывающей, волнующей, но все же утомительной изменчивости: по его мнению, преобладающие серые оттенки в цветовой гамме города, которые бросались в глаза западным туристам в 1990-х гг., сменились на пестроту. Еще одной неотъемлемой чертой имagoтипа Москвы, создаваемой немецкими авторами и упоминаемой Йенсом Зигертом, является метро – «больше, чем просто метро», которому в книге посвящается отдельная глава.

Зигерт касается одного из закрепленных и подтверждаемых социологическими опросами стереотипов – о русском гостеприимстве и тепле. Не опровергая этого стереотипа, он в то же время проводит четкое разделение: гостеприимство проявляется либо по отношению к «совершенно незнакомому гостю, который, как полагают, скоро снова уйдет» или же к близкому другу или родственнику. Подтверждается стереотип о неулыбчивости и недружелюбности русских в иных обстоятельствах: «российская общественная жизнь зачастую жесткая и замкнутая. <...> В стране существует фундаментальная разница между внутренним и внешним миром. Снаружи, за пределами собственного дома, вне круга друзей или родственников, вне круга коллег – это буквально вражеская земля» [21, с. 98].

В книге «Каучсерфинг в России» (*Couchsurfing in Russland: Wie ich fast zum Putin-Versteher wurde*) журналист-путешественник и бывший редактор Spiegel Online Стефан Орт рассуждает, что «среди немцев, которые интересуются Россией, есть три группы. Те, кто не верит ни во что, что пишут “западные медиа”, потому что в них все равно все представляется плохим. Те, кто разбирается в теме. И те, кто не знает, чему верить и не верить на тему России. С большой степенью вероятности они составляют подавляющее большинство» [18, с. 11]. Книга состоит из 18 глав по основным остановкам пути: Мирный, Москва, Грозный, Махачкала, Элиста, Астрахань, Вол-

гоград, Крым, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Алтай, Жаровск, Кызыл, Ольхон, Якутск, Мирный, Владивосток. Стефана Орта, как журналиста из критически настроенного по отношению к России издания Spiegel, несомненно, интересует политическая ситуация в стране, что определяет выбор собеседников и тематики разговоров, посещаемых мест и информации, которую автор решает донести до читателя. Как и Йенс Зигерт, Стефан Орт дает подробное описание Москвы, определяя московское метро как «музей коммунизма», поражающий посетителей «либо опасными распашными дверями у входа, либо великолепием платформ». При этом автор довольно категорично заявляет о своей политической позиции: «В то время сталинские архитекторы создавали роскошь для всех. Тот, кто жил как собака дома, должен был, по крайней мере, дважды в день прогуливаться по подземным дворцам по дороге на работу и обратно» [18, с. 19]. В описании своих впечатлений о Москве журналист приходит к выводу, что «но-стальгия по советскому снова в моде».

На протяжении всей книги С. Орт составляет специфический «словарь русского языка»: цветы, хрущевка, домострой, гречка, зуд, «Маша и медведь», окрошка, запой, Яндекс и др. Конечно, все русские пьют, и словарь понятий русского языка, составленный автором, непременно включает «алкоголь», «запой». Вместо старых клише часто создаются новые – про пьяных россиян, которые, напившись и опаздывая к женщине, покупают ей в переходе цветы, также не забывая покупать там дипломы (обратим внимание: книга вышла в 2016 г.). Конечно, автор пытается найти доступ к истине, но эта истина лежит где-то за пределами его мировоззрения, не приготовившего пустого поля для разрушенных шаблонов.

Автор путевых заметок «Водка. Простор. Приключения» (Wodka. Weite. Abenteuer, 2017) Хольгер Фриче выбирает трехчастную структуру заголовка, в которой соединены три распространенных стереотипа о России: алкоголь, необъятность территорий и авантюренность жизни и перемещений по стране. При этом в содержании заметок прямо или косвенно подтверждается лишь второй стереотип, что обусловлено амбициозной географией путешествия автора. То, что Фриче сообщает о Москве, отправной точке путешествия, поверхностно и ши-

роко известно тем читателям, которые не являются глубокими знатоками России и ее столицы. Фриче комментирует некоторые типичные стереотипы, например: «Русские не видят смысла улыбаться незнакомым людям без особой причины. Любого, кто улыбается незнакомым людям в России с фальшивой эйфорией (как это делают многие западноевропейцы), можно даже считать умственно отсталым» [5, s. 10]. Он пишет: «Россия далека от рая, все в России немного своеобразно и особенно – размер, климат, люди. Но страна дарит гостям свое очарование – и это делает путешествие по России таким особенным» [5, s. 236]. Многие немецкие авторы описывают свои впечатления о русской душе, за «грубым фасадом» авторы видят аутентичность и теплоту людей. В русской душе мирно уживаются доброта, доходящая до сентиментальности, с бездумной жестокостью, необыкновенная щедрость – с вопиющим эгоизмом, веселость до озорства и легкомыслия – с унынием и фатализмом. Неудивительно, что противоречивость русской души вызывает у стороннего наблюдателя такие же противоречивые чувства.

Книга Николы Хаардт «Восточный опыт. На велосипеде от Бохума до Байкала» (*Ost-Erfahrung: Mit dem Rad von Bochum zum Baikal*, 2015) – это отчет о велосипедном путешествии автора в 2005/06 годах: из Бохума через Россию к озеру Байкал, зимовка в Сибири и обратный путь. По большей части маршрут путешествия проходит в стороне от основных дорог, крупных центров и туристических достопримечательностей, так что провинциальная жизнь представлена в дополнение к природным зарисовкам. Автор описывает свои чувства на протяжении пути: сначала это неуверенность и страхи одинокого путешественника перед огромным пунктом назначения, затем растущая с километрами самоуверенность, которую энергично подпитывает любопытство [8, s. 23].

На протяжении всей книги Никола Хаардт описывает, как ее неоднократно приглашают «на чай и другие интересные напитки, разнообразную еду, в гости и на культурные мероприятия»: «Вообще, за все время моего пребывания в России ко мне не проявляли никакой враждебности, потому что я немка, в том числе и из старшего поколения <...> мне бывает стыдно за то, как плохо к русским часто относятся в Германии. Это несправедливо!» [8, s. 53]. Автор часто общается с жите-

лями сельской местности и приходит к выводу, что «бедные и простые условия жизни на самом деле не имеют ничего общего с отсталостью или необразованностью!» [8, с. 45].

Широкий спектр личных контактов, возможных благодаря приобретенным навыкам русского языка и интересу автора к людям, делает книгу сборником портретов обыкновенных людей. Повседневные, причудливые и забавные вещи представлены в информативной форме и критически оценены в противоречии между чужим и собственным культурным наследием. Тем не менее, особенностями встреч автор называет подавляющие гостеприимство и готовность поделиться, что приводит к иному пониманию людей и культур, чем в СМИ или политических репортажах.

Автор ряда книг о жизни в Сибири немка Карин Хасс описывает «свою» Сибирь, позволяет читателю соприкоснуться с природой и почувствовать себя в центре событий, при этом она критически оценивает людей, общество и политику. В первой книге Хасс «Чужая родина Сибирь» (*Fremde Heimat Siberien*, 2009) описываются пути, снова и снова приводившие автора в Сибирь, и начало новой жизни с таежным охотником Славой в маленькой сибирской деревне [11]. Во второй книге Карин Хасс «Медвежье сало с перцем – Мой маленький кусочек Сибири» (*Bärenspeck mit Pfeffer*) она рассуждает о социальной, политической, культурной и экологической ситуации в сибирской тайге, подробно описывает свою семью и семью мужа, особенности жизни в деревне, а также проводит множество сравнений с жизнью в Германии. Хасс передает читателю постоянный конфликт – ей приходится быть посредником между комфортной жизнью со своей немецкой семьей в Гамбурге и жизнью, полной лишений, рядом с мужем в Сибири. Здесь появляется противопоставление авто- и гетерообраза России и Германии. Карин Хасс искренне восхищается сибиряками, с которыми, в отличие от многих других путешественников, ей удалось познакомиться ближе в ежедневном соседстве.

Описывая необыкновенную сибирскую природу, Карин Хасс подчеркивает, что «дары природы и ее красота компенсируют нам цивилизационные ограничения» [10, с. 275]. Особое очарование, по мнению автора, создают крайности – необъятность Сибири в противопоставлении с хрупкостью

жизни, «опасный для жизни ледяной холод зимы и жара лета, где все пышно растет и процветает, красота и разнообразие природы и ее безжалостность, бесконечный мир и вечная борьба, жизнь и смерть [10, s. 117].

Описания деревенского быта также достаточно обширны и подробны. Карин Хасс особенно отмечает уют деревенских домов, в которых ее «принимали с теплом и гостеприимством» [10, s. 33]. Она знакомит читателя с особенностями сибирской кухни и тяжелой многочасовой физической работы, связанной с приготовлением пищи, ведь эта задача практически целиком ложится на женщину – от заготовок на зиму до ежедневного выпекания хлеба [10, s. 207].

Хасс пишет о недостатках жизни в России, в частности о телевидении, которое транслирует некачественные передачи – концерты, сплетни о звездах, сериалы о борьбе с преступностью или «крикливые репортажи о преступлениях, личных ударах судьбы или общественных недовольствах» [10, s. 112]. Еще одна проблема, с которой постоянно сталкивается автор книги и которая становится «все более раздражающей» – это некачественные товары. Хасс неоднократно указывает на неэффективность борьбы со злоупотреблениями, коррупцией, растратами и на тот факт, что жалобы в вышестоящие инстанции не помогают решить данные проблемы.

В третьей книге «Все нормально – На диком востоке Сибири» (Alles “normalno”: In Sibiriens wildem Osten, 2018) Карин Хасс описывает «русскую душу: «В ней мирно уживаются доброта, доходящая до сентиментальности, с бездумной жестокостью, необыкновенная щедрость – с вопиющим эгоизмом, веселость до озорства и легкомыслия – с унынием и фатализмом» [9].

Выводы

Проведенный анализ книг о путешествиях немецких публицистов по России позволяет заключить, что авторы основывают свои умозаключения и выводы на личном эмоциональном опыте восприятия России в зависимости от того круга общения, с которым они взаимодействуют во время поездки или после переезда и жизни в стране. Наиболее частыми характеристиками образа русских, которые встречаются в книгах о путешествиях, являются: общество в движении и изменении, авантюри-

ность жизни в России в противопоставлении со спокойствием и размеренностью жизни в Германии; гостеприимство для недолгих гостей и близких людей на фоне отчужденности и хмурости в общественной жизни, так называемая «теплота за грубым фасадом»; большая роль женщин в традиционном на первый взгляд обществе, которое внешне не желает эту роль признавать; явные европейские черты образа жизни даже в отдаленных городах азиатской части России. Говоря о проблемах, авторы упоминают коррупцию, неэффективность работы чиновников и излишнюю бюрократию, жестокость населения в некоторых регионах страны; критикует работу «пропагандистских» СМИ. Продолжается традиция описаний необъятных природных просторов и красоты ландшафта России. Тема алкоголя поднимается многими авторами, однако не все подтверждают данный стереотип описанием соответствующих персонажей в тексте. Создается имажотип Москвы как шумного, пестрого города со впечатляющим метрополитеном. Кроме того, авторы обращают внимание на уязвленную гордость России и (само-)образ «обиженной» страны, который также часто фигурирует в текстах на общественно-политические темы.

Таким образом, характерные черты, сопровождающие немецкий образ России на протяжении веков, как и его современные особенности, определяются историческими обстоятельствами и влиянием политических, экономических и социокультурных отношений, а также часто отражают субъективное восприятие или предрассудки авторов.

Список литературы

1. Гугнин А. А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балтийский филологический курьер. – 2003. – № 3. – С. 258–311.
2. Кудрявцев О. Ф. Россия в зеркале «прекрасной истории» Кристиана Бомховера // Новая и новейшая история. – 2020. – Вып. 6. – С. 53–63.
3. Медведев С. А. О формировании образа России в Германии накануне Великой Отечественной войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2009. – № 1. – С. 51–58.
4. Fisher Ruge L. Alltag in Moskau. – Fischer Verlag, 1998. – 204 s.
5. Fritzsche H. Wodka, Weite, Abenteuer: Unterwegs mit der Transsib. – Hamburg: National Geographic Deutschland, 2017. – 240 s.
6. Fulöp-Miller R. Geist und Gesicht des bolschewismus: Darstellung und Kritik des Kulturellen Lebens in Sowjet-Russland. – Amalthea-verlag, 1926. – 490 s.
7. Gloger K. Fremde Freunde: Deutsche und Russen: die Geschichte einer Schicksalhaften Beziehung. – Berlin: Berlin Verlag, 2017. – 560 s.

8. Haardt N. Ost-Erfahrung: Mit dem Rad von Bochum zum Baikäl. – Hamburg: Travel diary, de Reiseliteratur-Verlag, 2015. – 310 s.
9. Haß K. Alles «normalno»: In Sibiriens wildem Osten. – CW Nordwest Media, 2020. – 248 s.
10. Haß K. Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien. – NG Taschenbuch; 1. Edition, 2016. – 384 s.
11. Haß, K. Fremde Heimat Sibirien: Leben an der Seite eines Taigajägers. – CW Nordwest Media, 2009. – 232 s.
12. Koenen G. Der Rußland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. – München: C. H. Beck, 2005. – 528 s.
13. Kopelew L. Fremdenbilder in Geschichte und Gegenwart. Einleitung // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9–17. Jahrhundert. West-Östliche Spiegelungen. Bd. 1. – München: Fink, 1988. – S. 11–34.
14. Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft. Einleitung // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). West-Östliche Spiegelungen. Bd. 3. – München: Fink, 1991.
15. Lobkowicz N. Deutsche Rußlandbilder im 20. und 21. Jahrhundert. Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. – Köln: Weimar: Böhlau Verlag, 2008. – 184 s.
16. Mehnert K. Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach dreizehn Reisen in die Sowjetunion 1929–1957. – Deutscher Bücherbund Stuttgart, 1964. – 462 s.
17. Nolte H., Wernstedt R. Zur Kritik der Geschichtsschreibung // Russlandbilder – Deutschlandbilder. – 2018. – Vol. 15. Gleichen.
18. Orth S. Couchsurfing in Russland: Wie ich fast zum Putin-Versteher wurde. – Piper ebooks, 2017–256 s.
19. Schmid U. Wie bolschewistisch ist der “Sowjetmensch”? // Zeithistorische Forschungen. – 2007. – No. 3.
20. Schnirch A. Die Russlandberichterstattung in der Leipziger Zeitschrift «Neue Europäische Fama» (1735–1756) // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. – 2003. – No. 5. – S. 69–100.
21. Siegert J. 111 Gründe, Russland zu lieben: Eine Liebeserklärung an das schönste Land der Welt. – Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf, 2018. – 278 s.

References

1. Gugin, A. A. (2003) Osnovnye etapy istorii nemetsko-russkikh i russko-nemetskikh literaturnykh svyazej [The main stages of the history of German-Russian and Russian-German literary relations]. *Baltijskij filologičeskij kur'er – The Baltic Philological Courier*. No. 3. Pp. 258–311. (In Russian).
2. Kudryavtsev, O. F. (2020) Rossiya v zerkale “prekrasnoj istorii” Kristiana Bomhovera [Russia in the mirror of “beautiful history” by Christian Bomhoyer]. *Novaya i novejšaja istoriya – New and Contemporary History*. Issue 6. Pp. 53–63. (In Russian).
3. Medvedev, S. A. (2009) O formirovanii obraza Rossii v Germanii nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [On the formation of the image of Russia in Germany on the eve of the Great Patriotic War]. *Vestnik VGU. Seriya: Istorija. Politologiya. Sotsiologiya – Bulletin of VSU. Series: History. Political science. Sociology*. No. 1. Pp. 51–58. (In Russian).
4. Fisher Ruge, Lois. (1998) *Alltag In Moskau*. Fischer Verlag. (In German).
5. Fritzsche, Holger. (2017). *Wodka, Weiße, Abenteuer: Unterwegs mit der Transsib*. Hamburg: National Geographic Deutschland. (In German).
6. Fulöp-Miller, Rene. (1926) *Geist und Gesicht des bolschewismus: Darstellung und Kritik des Kulturellen Lebens in Sowjet-Russland*. Amalthea-verlag. (In German).
7. Gloger, Katja. (2017) *Fremde Freunde: Deutsche und Russen: die Geschichte einer Schicksalhaften Beziehung*. Berlin Verlag. (In German).
8. Haardt, Nicola. (2015) *Ost-Erfahrung: Mit dem Rad von Bochum zum Baikäl*. Hamburg: Travel diary, de Reiseliteratur-Verlag. (In German).
9. Haß, Karin. (2020) *Alles “normalno”: In Sibiriens wildem Osten*. CW Nordwest Media. (In German).
10. Haß, Karin. (2016) *Bärenspeck mit Pfeffer: Mein kleines Stück Sibirien*. NG Taschenbuch. (In German).

11. Haß, Karin. (2009) *Fremde Heimat Sibirien: Leben an der Seite eines Taigajägers*. CW Nordwest Media. (In German).
12. Koenen, Gerd. (2005) *Der Rußland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945*. München: C. H. Beck. (In German).
13. Kopelew, Lew. (1988) *Fremdenbilder in Geschichte und Gegenwart. Einleitung. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9–17. Jahrhundert. West-Östliche Spiegelungen*. Bd. 1. München: Fink. S. 11–34. (In German).
14. Kopelew, Lew. (1991) *Zunächst war Waffenbrüderschaft. Einleitung. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). West-Östliche Spiegelungen*. Bd. 3. Keller, Mechthild. München: Fink. (In German).
15. Lobkowitz, Nikolaus. (2008) *Deutsche Rußlandbilder im 20. und 21. Jahrhundert. Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. Böhlau Verlag Köln: Weimar. (In German).
16. Mehnert, Klaus. (1964) *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach dreizehn Reisen in die Sowjetunion 1929–1957*. Deutscher Bücherverbund Stuttgart. (In German).
17. Nolte, Hans-Heinrich, Wernstedt, Rolf. (2018) *Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Russlandbilder – Deutschlandbilder*. Vol. 15. Gleichen. (In German).
18. Orth, Stephan. (2017) *Couchsurfing in Russland: Wie ich fast zum Putin-Versteher wurde*. Piper ebooks. (In German).
19. Schmid, Ulrich. (2007) *Wie bolschewistisch ist der "Sowjetmensch"? Zeithistorische Forschungen*. No. 3. (In German).
20. Schnirch, Anne. (2003) *Die Russlandberichterstattung in der Leipziger Zeitschrift "Neue Europäische Fama" (1735–1756). Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*. No. 5. S. 69–100. (In German).
21. Siegert, Jens. (2018) *111 Gründe, Russland zu lieben: Eine Liebeserklärung an das schönste Land der Welt*. Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf. (In German).

Об авторе

Бахарева Марина Дмитриевна, аспирант, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-1841-4903, e-mail: bakhareva.m.d@my.mgimo.ru

About the author

Marina D. Bakhareva, postgraduate student, MGIMO University, Moskva, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0004-1841-4903, e-mail: bakhareva.m.d@my.mgimo.ru

Поступила в редакцию: 28.10.2023
Принята к публикации: 15.01.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 28 October 2023
Accepted: 15 January 2024
Published: 22 March 2024